

Влияние антироссийских санкций на внешнеэкономические сделки

Юлиана Латыпова

Вот уже 6 лет российские предприниматели и их деловые партнёры из-за рубежа вынуждены вести коммерческую деятельность в условиях значительного числа внешнеэкономических ограничений, продиктованных геополитической напряжённостью.

Какой бы ни была международно-правовая квалификация санкций (ограничительных мер), направленных против России, как бы нормы международного права ни оправдывали их или ни осуждали, объективная действительность остаётся одна: жертвой межгосударственных конфликтов становятся российские предприниматели, когда в результате внезапно возникшего запрета на поставку товара или блокировки счёта не исполняются их трансграничные сделки. В качестве иллюстрации приведём несколько примеров:

Пример 1. В апреле 2014 г. Приборостроительный завод в Челябинской области заключил с российским дистрибьютором импортного оборудования договор поставки вибросистем из Великобритании. Оборудование относилось к товарам двойного назначения и требовало соблюдения норм экспортного контроля. Связанные с ним формальности не были выполнены, поэтому вывоз товара с территории ЕС в конце мая приостановили. 31 июля 2014 г. Регламент Совета ЕС № 833/2014 запретил экспорт в Россию товаров двойного назначения и, в итоге, поставка вибросистем стала невозможна. Завод потребовал от дистрибьютора уплатить неустойку и расторгнуть договор. Дистрибьютор настаивал, что ограничительные меры ЕС, сорвавшие поставку, — это обстоятельство непреодолимой силы (форс-мажором) и за неисполнение договора он ответственности не несёт (ст. 401 ГК РФ). Арбитражный суд Челябинской области принял аргументы ответчика, освободил его от уплаты неустойки и расторг договор между сторонами.

Когда санкционные войны лишь начинали набирать обороты, исследователи предполагали, что стандартной практикой сторон станет ссылка на форс-мажор как на основание, освобождающее от гражданско-правовой ответственности¹. Поэтому поведение ответчика в данном случае было весьма предсказуемо. Однако российские суды оценивали санкции не только как обстоятельство непреодолимой силы.

Пример 2. В июне 2014 г. Арзамасский машиностроительный завод приобрёл через российскую «дочку» немецкой компании лазерный станок. В результате выхода из строя установленного на

станке генератора (завод оценил данное происшествие как гарантийный случай) потребовалась его замена на другой оригинальный генератор от производителя. Однако поставить новый генератор немецкая компания уже не могла, т.к. с 1 августа 2014 г. на основании Регламента Совета ЕС № 833/2014 действовал запрет на вывоз из ЕС в Россию товаров двойного назначения, к которым относилось и необходимое оборудование. Завод обратился в суд с требованием принудить поставщика заменить неисправный генератор. Однако Арбитражный суд г. Москва занял сторону ответчика и заключил, что поставщик столкнулся с объективной невозможностью исполнить обязательство в натуре (произвести замену), т.к. это бы противоречило акту иностранного органа власти (санкционному регламенту). Невозможность исполнения договора при таком развитии событий, в свою очередь, влекла прекращение обязательств между сторонами (ст. 417 ГК РФ).

Таким образом, российские суды интерпретировали введение санкций не только как форс-мажор, но и как нормативное предписание, в силу которого исполнение по договору становилось противоправным.

Несмотря на разное понимание природы санкций, суды в обоих случаях приняли решение против российских лиц. В первом случае, покупатель не смог привлечь контрагента к ответственности. Во втором случае, покупатель утратил право требовать исполнения по договору.

Стремясь выжить в условиях новой реальности, бизнес изобрёл новые способы того, как в свете санкций сохранить сделку или, как минимум, не оказаться в убытке.

I. Антисанкционная оговорка: не исполнять — себе дороже

Чтобы защититься от санкционных рисков, стороны стали чаще включать в тексты соглашений т.н. «антисанкционную оговорку».

Оговорка подобного рода присутствует, в частности, в закупочных контрактах «Роснефти» (например, Договор оказания консультационных услуг) и открывается словами: «Стороны соглашаются, что никакие санкции, торговые ограничения и иные подобные меры какого-либо государства или надгосударственного образования не прекращают и не изменяют обязательств Сторон по настоящему Договору».

В приведённом выше соглашении об оказании услуг в области стратегического консалтинга

¹ Lasse Vuola. 'Sanctions and the Supply Chain' (2015) 10 Global Trade and Customs Journal, Issue 2, pp. 69-72

антисанкционная оговорка сформулирована таким образом, что сильной стороной в случае введения санкций, препятствующих оказанию услуг, является российский контрагент, которому в случае невозможности исполнения контракта, вызванной санкциями, полагается компенсация в размере 10% от общего вознаграждения исполнителя. Это стандартная антисанкционная оговорка в контрактах «Роснефти», открытые условия которой, в т.ч. масштабы возмещения потерь, определяются уже на индивидуальной основе. Так, в декабре 2017 г. аудиторская компания PwC, заключая договор с «Роснефтью», [согласилась](#) компенсировать клиенту 200% стоимости своих услуг, если их исполнение прервётся под влиянием санкций.

Однако настоять на антисанкционной оговорке в сделке с иностранным контрагентом может не каждый российский предприниматель. «Роснефть» включает антисанкционную оговорку благодаря тому, что, во-первых, закупочный контракт — это договор присоединения, где будущий исполнитель заведомо обладает меньшей переговорной силой по сравнению с заказчиком. Во-вторых, «Роснефть» — сильный игрок, способный поставить партнёра перед дилеммой «бери или уходи». Так, в прессе [сообщали](#), что своих покупателей «Роснефть» тоже принуждает к возмещению потерь за неисполнение контракта в силу санкций.

II. Третьейская оговорка: нельзя ли передумать?

С усилением санкций со стороны западных стран меняется и отношение к международному коммерческому арбитражу.

Недостаточно одержать победу в третейском суде — гораздо важнее иметь реальную возможность исполнить арбитражное решение. Исполнение решений третейских судов осуществляется уже через национальные суды, которые связаны правом своей страны, а это право может быть весьма враждебно к истцу, чьи исковые требования идут вразрез с публичным порядком государства, в т.ч. с политикой применения санкций.

В июле 2019 г. на рассмотрение в Государственную Думу [поступил](#) законопроект № 754380-7 (т.н. «Законопроект Лугового»), предлагающий российским гражданам и юридическим лицам в одностороннем порядке изменять подсудность спора, если в результате попадания в санкционный список они будут лишены возможности эффективно отстоять свои права в иностранной юрисдикции или в избранном третейском суде за рубежом. В таких случаях законопроект предлагает рассматривать спор на российской территории, передав его в компетенцию российских судов или в арбитраж, организованный в России.

В экспертных кругах законопроект [раскритиковали](#), так как он подорвёт инвестиционную привлекательность России, ни один иностранный инвестор не согласится заключить договор, условия которого будут нестабильны и подконтрольны российскому контрагенту. Однако сама идея этой законодательной инициативы уже нашла отражение в судебной практике:

В ноябре 2019 г. Арбитражный суд г. Москвы [рассмотрел](#) дело российской логистической компании ООО «Инстар Лоджистикс» (истец). Его решение в феврале 2020 г. [поддержал](#) 9-ый Арбитражный апелляционный суд.

В январе 2018 г. ООО «Инстар Лоджистикс» [оказалось](#) в санкционном списке США за оказание транспортно-логистических услуг Концерну «Калашников», который к этому времени уже находился под американскими санкциями. Попадание в санкционный список США встало на пути деловых отношений ООО «Инстар Лоджистикс» с филиалом международной компании «Нейборз» (Nabors), которому она оказывала услуги по хранению буровых установок на территории России. Чтобы не нарушить законодательство США, компания «Нейборз» прервала всякую коммуникацию с контрагентом из «чёрного списка» и не осуществила оплаты за оказанные ей услуги.

Если изначально в своём соглашении (2012 г.), стороны предусмотрели разрешение споров в третейском суде в соответствии с английским правом и Регламентом Международного арбитражного суда при МТП, то после попадания ООО «Инстар Лоджистикс» под санкции США данная третейская оговорка утратила для истца всякий смысл: Даже с арбитражным решением в свою пользу, ООО «Инстар Лоджистикс» не смогло бы добиться его признания и приведения в исполнение в США, где находилось имущество должника.

Отстаивая право на защиту своих интересов, ООО «Инстар Лоджистикс» просило суд изменить условия соглашения и сделать его подсудным арбитражным судам России в обход ранее согласованной третейской оговорки.

Суды обеих инстанций пришли к выводу, что сохранение третейской оговорки ставит компанию «Нейборз» в преимущественное положение. Так как эффективной защиты нарушенных прав ООО «Инстар Лоджистикс» может добиться только в России, суд первой инстанции изменил соглашение и подчинил спор арбитражным судам России, а суд апелляционной инстанции это решение оставил без изменения.

Таким образом, хотя российские лица пока не располагают законным правом на одностороннее изменение условий договора в части его подсудности, у них есть возможность сделать это через суд, что для иностранных игроков

ничуть не менее тревожно, чем формальное принятие «Законопроекта Лугового».

Разворот в сторону Азии

В профессиональной среде стали популярны предложения о рассмотрении внешнеторговых споров не в третейских судах Европы (Лондон, Париж, Стокгольм, Женева), а в Азии, где споры можно разрешать на площадках Международного арбитражного центра Сингапура (SIAC, Singapore International Arbitration Centre) и Международного арбитражного центра Гонконга (HKIAC, Hong Kong International Arbitration Centre)². Основной аргумент в пользу азиатских арбитражных институтов — их нейтральность ввиду отсутствия территориальной привязки к стране, применяющей антироссийские санкции. Однако некоторые исследователи настаивают, что эта нейтральность иллюзорна:

1) списки арбитров обоих центров включают граждан тех стран, что ввели санкции против России, поэтому от связи с недружественной юрисдикцией не получится избавиться в полной мере. Хотя если сторонам это кажется проблемой, они могут самостоятельно сформировать коллегию арбитров, но это право в равной степени сохраняется за ними и в третейских судах Европы.

2) в Сингапуре и Гонконге, применяется английское право вместе с прецедентами английских судов, а значит, их практика, неблагоприятная для российских предпринимателей, может возродиться в арбитражных решениях или в процессе их признания и исполнения.

Интерес бизнеса заключается именно в возможности исполнить арбитражное решение, поэтому искать нужно не нейтральную юрисдикцию для рассмотрения спора, а нейтральную юрисдикцию для осуществления будущего взыскания.

Это ещё один повод для критики «Законопроекта Лугового», который предлагает сосредоточить судопроизводство (в т.ч. третейское судопроизводство) в России: рассмотрение дела на российской территории сыграет лишь в том случае, если в России будет находиться имущество зарубежного контрагента-должника. Поэтому законопроект может привести к оттоку капитала, т.к. иностранные инвесторы, чтобы защитить свои активы от потенциального ареста, предпочтут вывести их из России.

Применение западными странами санкций (ограничительных мер) в отношении России усложнило международные коммерческие отношения, но не привело к их окончательному разрыву. Чтобы сохранить деловые связи с зарубежными партнёрами, российские предприниматели адаптируют содержание внешнеэкономических сделок под новые условия. В сделках появляются антисанкционные оговорки; вместе с тем третейские оговорки из них исчезают или изменяются таким образом, чтобы местом арбитража была Россия. Интересы российского контрагента учитываются, когда он выступает в переговорах сильной стороной. В противном случае зарубежный игрок вряд ли согласится на контракт «нового поколения», т.к. почувствует его явный перевес в пользу российской стороны и в ущерб себе.

² О защите прав инвесторов в арбитражных судах КНР мы писали в [Мониторинге № 40](#).